

БОГОСЛУЖЕНИЕ

ГЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННИЧЕСКИХ МОЛИТВ

Архивная копия статьи: <http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/1798/>

С переводом литургии на современные языки неизбежно возник вопрос о гласном чтении священнических молитв. Этот вопрос был актуален уже в 1964 году, когда Леонид Успенский отмечал:

Конечно же, тайное чтение молитв затрудняет участие верных в литургии. Все литургическое богослужение, и его наивысшее выражение — Евхаристический канон, является молитвой всей Церкви, всей общины, *эклесии*, которая включает как священников, так и мирян. При тайном чтении молитв народу возможно слышать только отдельные восклицания, вырванные из контекста: «Слава Тебе, Господи...», «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», «Примите, ядите...», «Твоя от Твоих...» и так далее. В этом смысле участники богослужения лишены наиболее значительной части литургии, она ускользает от их понимания, ее структура становится непонятной, поэтому возвращение гласного чтения молитв кажется совершенно необходимым. Кажется, все согласны с этим.^[i]

Как отмечает Успенский, как только люди слышат основные слова, они понимают, что слышат только «обрывочные возгласы, вырванные из контекста». Тафт также отмечает, что, вне всякого сомнения, молитвы изначально читались гласно.^[ii]

Конечно, это единственный логический вывод, если молитвы были импровизированными. Именно таким путем выражалась и возрастала вера в богослужении, первичном источнике богословия. Как отмечает Боули,

Именно на богослужебных собраниях и в таинствах Крещения и Евхаристии христиане пришли к более глубокому пониманию Иисуса Христа, обещанного Им Духа и себя как людей Нового Завета. Молитва, как проповедь и учение, не только приводила к новым откровениям, но также служила средством их выражения.^[iii]

Тафт также отмечает, что в первые века все читалось вслух. В Деяниях Апостолов Филипп слышит, как эфиопский евнух читает книгу пророка Исайи в своей колеснице. Как бы он иначе узнал об этом, если бы тот не читал вслух? Первое упоминание о «чтении про себя» мы находим у Августина, который писал об архиепископе Амвросии: «Когда тот читал, его глаза пробежали по странице, а сердце отыскивало смысл, но его голос не звучал, и язык был нем... мы находим его читающим так в безмолвии, поскольку он никогда не читает вслух».^[iv]

Из этого мы можем сделать вывод, что молитвы литургии читались гласно практически до 15-го столетия. Однако на основании фактов возможны два толкования. Если молитвы читались вслух только потому, что именно так читалось все, имеет ли значение, были ли они слышны верующим или нет? Тафт утверждает, что древних это не интересовало, «едва ли можно найти свидетельства о том, что кого-то интересовало, насколько хорошо общине была слышна служба и насколько она могла принимать в ней участие, кроме пения псалмов, изучения Писания, проповедей и святого Причастия».^[v]

На этом же основании выводы Тафта можно интерпретировать иначе. Из того, что сказал Боули, можно заключить, что в первые века, когда сообщество христиан было малочисленным и ревностным, они молились в домах и небольших комнатах. Молитвы были выражением их растущей веры, и даже невозможно было представить, чтобы молитвы не были основной частью литургии, предназначенной для всей общины верующих. Ситуация могла измениться, когда христианство было институционализировано, при обращении в веру империи, и литургию начали служить в более просторных публичных местах, в зданиях, построенных для

богослужения. Здесь опять, отмечает Тафт, «в огромных базиликах пост-константиновского Востока, не оснащенных современными звуковыми системами, маловероятно, чтобы множество присутствующих в храме могли слышать и понимать текст анафоры, даже если бы священник кричал его изо всех сил».[vi]

Интересно, по замечанию Метьюса, что «мы ничего не знаем об акустике византийских храмов — время отражения звука (в Софии Константинопольской) — почти 10 секунд, в чем может убедиться любой случайный посетитель. Этот феномен, так же как и необыкновенный размер зданий, очень затруднял произнесение в них проповедей».[vii]

Трудно представить, чтобы они считали проповедь маловажной или чтобы проповедь осуществлялась молча. То, что справедливо для проповеди, справедливо и для молитв — возможно люди тогда знали больше об отражении голоса без электронных звуковых систем.

Почему же, действительно, молитвы перестали читать вслух? Грисбрук[viii] и Тафт[ix] оба указывают, что тайное чтение началось в Сирии в конце 5-го века. Об этом пишет комментатор-литургист Нарсаи: «Священник в ярком облачении, голос церкви, открывает уста и говорит с Богом как с близким»[x]. Грисбрук указывает причину: «обычай появился благодаря желанию выразить и пробудить отношение благоговейного страха и трепета к литургии». Дальше он делает вывод, что «молчаливое чтение евхаристических молитв, вне всякого сомнения, является порочной практикой... Эта потребность (молчания и его психологических следствий для богослужения) должна осуществляться другими способами».[xi]

Эта причина приводится сегодня многими сторонниками тайного чтения молитв. Необходимость тайного чтения также обосновывается природой самого священства. Они утверждают, что молитвы, как часть таинства, принадлежат священству. Их должен произносить священник единолично. Тафт оспаривает эту позицию: «сегодня многие христиане согласятся с тем, что так как литургия для всех, а не только для группы профессиональных священников, все крещенные имеют право слышать и произносить священные слова литургии».[xii]

Я пойду немного дальше. Да, я допускаю, что молитвы литургии — это священнические молитвы, но на самом деле вся община есть «род избранный, царственное священство, народ святой» (1Пет 2:9). Будет вполне разумным, если община, которая скрепляет слова священника своим «аминь», услышит слова, которые она подтверждает. Сегодня учение Церкви об общем священстве и таинственном священстве — общее для католиков и православных. Второй Ватиканский Собор высказался вполне ясно об этом: «Хотя они и отличаются существенно, и не только степенью — общее священство верных и иерархическое священство тем или иным образом подчинены друг другу, но каждый имеет свою часть в священстве Христа».[xiii]

Одно из таких отличий, которые показывает литургическая практика Церкви, это то, что служащий священник (пресвитер) гласно читает молитвы от имени общины, и народ (общее священство) слушает их и подтверждает своим «аминь». Святитель Иоанн Златоуст вполне красноречиво говорит по этому поводу:

Мы видим, что народ много участвует в молитве — во время страшных Таинств священник говорит от лица народа, а народ говорит от лица священства, как видим из слов «и со духом твоим». Молитва благодарения — это, опять же, общая молитва, возносимая священником и всем народом. Священник начинает, люди присоединяются к нему, говоря, что «благо и право хвалить Господа», — это начало благодарения. Почему же вас удивляет, что народ соединяет свой голос с голосом священника? Разве вы не знаете, что эти святые песнопения достигают небес, где они соединяются с песнями ангелов, херувимов и небесных праведников?[xiv]

Хотя я и не нашел прямых подтверждений, я думаю, были и другие причины для того, чтобы молитвы перестали читать гласно. Возможно, одним из факторов было постепенное медленное изменение родного языка. Тексты Писания и литургические молитвы, тем не менее, не менялись. Они были написаны священным языком. Как же можно менять оригинал Писания? Это будет предательством слова Божия. Отношение к молитвам было настолько же консервативным,

поскольку некоторые из них приписывались апостолам, а другие — отцам, имевшим неоспоримый авторитет. С течением времени даже те молитвы, что составлялись позднее, писались в классическом стиле. Подобный консерватизм мы наблюдаем и сегодня. Для многих библейских христиан английский перевод Библии короля Иакова неприкосновенен. Считается, что он богодухновенный и написан священным языком. Так, Патриарх Московский Алексей II недавно отверг предложение перевести литургию на современный русский язык, утверждая, что люди способны понять церковнославянский при всей его сложности. Так как молитвы постепенно становились все менее и менее понятными для общей массы людей, вопрос их гласного чтения становился все менее и менее актуальным.

В связи с этим знаменательно, что в течении всей истории Византийской Церкви присутствовало осознание важности священнических молитв. Тафт отмечает, что «в ранней и поздней древней Церкви едва ли были свидетельства, что кто-то беспокоился о том, какая часть общины и насколько хорошо могла видеть, слышать и участвовать в литургии...»,^[xv] но я бы сказал, что это не так. Мы видим вполне явную заботу о том, чтобы люди слышали молитвы, хотя к этому свидетельству редко обращаются. В то время, когда тайное чтение молитв распространялось, Юстиниан в новелле 167, в 565 году предписывал:

мы приказываем, чтобы все епископы и пресвитеры читали молитвы, произносимые при святом крещении и божественном жертвоприношении, не тайно, но так, чтобы их слышали все верные, чтобы сподвигнуть души слушающих к большому покаянию и возношению хвалы Господу Богу.^[xvi]

Пятьсот лет спустя мы видим ту же заботу, еще более явно выраженную, в комментарии на литургию, называемом *Protheoria*. Молитвы шепчутся епископами едва различимым голосом, и люди спрашивают, какова цель такой практики, добавляя, что пытаться уловить слова молитвы таким образом — это все равно что пытаться узнать одежду, касаясь складок.^[xvii] Несколько столетий спустя Трембелас ссылается на мнение *колливадов*, членов реформаторского движения на горе Афон, начавшегося в 18-м веке, которые также выступали за гласное чтение священнических молитв, хотя в то время богослужебный греческий уже не был разговорным.^[xviii]

Я думаю, что столь явные свидетельства различных эпох говорят об осознании важности этих молитв.

Божественную литургию можно считать трехголосной симфонией: молитвы, читаемые пресвитером или епископом, ектении — молитвенные прошения, возглашаемые диаконом, и молитвы прославления, возносимые народом. В ходе истории один из этих элементов стал «немым»: священнические молитвы. С большим успехом их можно было назвать молитвами общего священства — народа, так как община должна подтвердить их своим «аминь», «печатью» молитвы. Как же люди могут соглашаться с моливами, не слыша их? Можно конечно возразить, что молитвы слишком сложны для понимания народа и только удлиняют время литургии. Я этого просто не принимаю. Они могут быть трудны для некоторых, но большинство прихожан достаточно образованы, чтобы понять их, и язык этих молитв не более сложен, чем язык текстов Писания или гимнов, или даже проповедей. Могу рассказать забавный случай. Я привык к гласному чтению священнических молитв, и в одном из моих приходов в воскресенье я пропустил целую строку одной из молитв. Сразу же после литургии один из служителей — учащийся средней школы — спросил меня, почему я пропустил эти слова, и процитировал мне их по памяти, вот такой современный вариант наблюдения Иоанна Мосха 600 года нашей эры, который отмечал, что группа юношей запомнила анафору на слух.^[xix] Очевидно, эти молитвы производят впечатление на многих людей, и я совершенно согласен с отцом Тафтом, что их гласное чтение только идет на пользу и не отвлекает от Таинства. «Уже после того как все молитвы были написаны и изучены и все богословы высказали свое слово, Божественные Таинства остаются Таинствами по самой своей природе, а не потому что мы пытаемся сделать их недоступными пониманию, пряча их под покровом молчания».^[xx]

Слишком давно священники отказались от своей роли в литургии, взяв на себя роль диаконов. Они читают соответствующие их сану молитвы тайно, а диаконские — вслух. Перевод литургии на бытовые языки и возвращение диаконского чина подтолкнет к изменениям, хотя, конечно же, некоторые будут сопротивляться. Священники снова будут учиться быть хорошими декламаторами. Песнопения общины являются важной составляющей литургии, так как наше духовное поклонение есть воздавание хвалы Господу. Диаконские прошения также являются важной частью литургии, так как наше ожидание от Господа «всякого даяния доброго и всякого дара совершенного» также является частью нашей веры. Однако именно молитвы, произнесенные от лица народа, являются самым центром таинства. Здесь мы предстоим перед Богом, Творцом, «который привел нас из небытия к бытию». Если эти молитвы отражают наши истинные отношения с Творцом, тогда здесь, в этой литургии Господь «не отворачивается от своего создания», и «не забывает дело рук своих», но «поднимает нас, павших, и не оставляет ничего незавершенным, пока не возведет нас на небо и не подаст нам грядущее Царство». Здесь мы собраны в стан тысяч архангелов и десятков тысяч ангелов, херувимов и серафимов. Сейчас Господь любит мир с такою силою, что послал Своего Сына Единородного, «чтобы каждый верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Когда мы слышим эту молитву, эхо которой звучит в веках, мы сидим со Христом за мистической трапезой, мы узнаем Его в Хлебе и Чаше, как узнали его ученики в Эммаусе. Здесь Святой Дух начинает наше обожение, преобразует наши жизни в синергии с Божественным, в вихре и огне, о которых говорит Златоуст:

Священник стоит, низводя не огонь, а Святой Дух; он возносит молитву не для того, чтобы огонь возгорелся свыше и сжег предложенное (1Цар 18:34), но чтобы благодать снизошла на жертву и воспламенила души всех.^[xxi]

Как и Иову, Господь отвечает нам из вихря, и наша молитва есть ответ на Таинство: «Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено», «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов 42:2,5).

Я уверен, что не может быть никакой реформы, и даже тени реформы литургии без возвращения к гласному чтению священнических молитв перед всей общиной. Второй Ватиканский Собор призвал Церковь к возрождению этой традиции, и во всех Церквях Востока, православных и католических, в которых используют современные языки, возвращены гласные священнические молитвы. На Соборе было заявлено, что Церковь всегда нуждается в изменениях. «Церковь, которая всегда Свята и всегда нуждается в очищении, неустанно идет путем покаяния и обновления».^[xxii] Томас Потт недавно написал книгу о литургической реформе в Византийской Церкви.^[xxiii] Он определяет реформу как «идею свободного усилия, намеренного и совершенствующегося, многократного, длительного и повторяемого, которое прилагают для того, чтобы вновь утвердить ранее существовавшие ценности в духовно-материальном устройстве мира».^[xxiv]

Важно то, что реформа — это не создание новых, а восстановление прежних ценностей. Реформу следует отличать от спонтанной эволюции: в отличие от последней, она является активным и рефлексивным человеческим вмешательством. Потт отмечает, что «природа литургии и способ ее передачи обуславливают консерватизм ее форм. В определенные моменты развитие может пойти по пути, который не исходит из синергии веры и человеческой личности, но основывается на преобладании грешной природы человека, что проявляется в литургии».^[xxv] Когда это происходит, требуется активное и осмысленное вмешательство, чтобы литургия вновь служила своей изначальной цели.

По этой причине Собор епископов Питтсбургской митрополии принял решение об одобрении предварительного перевода Пармской епархии 1987 г. и епархии Пассаик 1997 г., и рекомендации Межъепархиальной литургической комиссии допустить гласное чтение большинства священнических молитв Божественной литургии. Это относится к молитве первого антифона, молитве приношения (лучшая формулировка — «Молитва на приближение к святому

жертвеннику»), самой анафоре, за исключением поминовений, читаемых во время молитвы Пресвятой Богородице, молитве перед Отче Наш, главопреклонной и благодарственной молитвам.

Тафт отмечает, что «молитвы, которые следует произносить вслух, включают в себя анафору и те, что открывают древнюю структуру литургии и определяют значение соответствующих частей литургии, за исключением более поздних повторений древних молитв, которые исполняют аналогичную функцию, или же являются молитвами личного благочестия священника...»^[xxvi]

По его критериям, молитвы, которые следует читать гласно, но которые не включены в приведенный список, это молитва второго антифона, Трисвятого, Вторая молитва верных,^[xxvii] оставшиеся поминовения анафоры. Молитвами, предназначенными для тайного чтения, были: молитва третьего антифона, молитва на чтение Евангелия, первая молитва верных, молитва Херувимской песни, молитва перед «Святая святым...» и молитва на потребление Даров. Заамвонная молитва должна, конечно же, читаться вслух. Система, предложенная Собором епископов, была одобрена Конгрегацией по делам Восточных Церквей и соответствует практике большинства православных и католических Церквей, которые используют современные языки в богослужении.

Eastern Churches Journal, Vol. 8, No. 2

Перевод с английского Юлии Зубковой специально для «Православия в Украине»

^[i] Leonide Ouspensky, «*The Problem of the Iconostasis*», St. Vladimir's Seminary Quarterly, 8,4 (1964) 215.

^[ii] Cf. Robert Taft, S.J., «*Questions on Eastern Churches*», Eastern Churches Journal, Volume 8 Number 2, p. 107ff

^[iii] Allan Bouley, «*From Freedom to Formula*» (Washington, DC: The Catholic University of America Press, 1981)

^[iv] Alberto Manguci, *A History of Reading* (New York, Viking, 1996), 42. Свидетельство Августина относится к 383 году.

^[v] Taft, «*Questions of the Eastern Churches*», § 3, p.110.

^[vi] Там же.

^[vii] Thomas F. Mathews, *The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy* (University Park and London: The Pennsylvania State University Press, 1971), 154, fn 106.

[viii] W. Jardine Grisbrook, «*Silent Prayer*», in *The New Westminster Dictionary of Liturgy and Worship* (Philadelphia: The Westminster Press, 1986) 492-492.

[ix] Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 2, p.109

[x] Беседа 17, там же.

[xi] Grisbrook, p.493

[xii] Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 3, p.112

[xiii] Constitution on the Church, p.10

[xiv] Беседа 18, 1-е Послание Коринфянам, ср. Trembelas, Panagiotis, *Eastern Churches Journal*, Volume 8 Number 2, «The Hearing of Eucharistic Anaphora by the People», pp 81-82

[xv] Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 3, p.110

[xvi] Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 2, p.109

[xvii] Protheoria 38; PG 140-465C.

[xviii] Trembelas, «*The Hearing of Eucharistic Anaphora by the People*», p. 96.

[xix] Spiritual Meadow 196 in Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 3, p.111

[xx] Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 3, p.112

[xxi] On the Priesthood, 6,4.

[xxii] Constitution on the Church, LG 8

[xxiii] Thomas Pott, *La réforme liturgique byzantine* (Rome: Edizioni Liturgiche 2000)

[xxiv] Pott, p.22

[xxv] Pott, p.70

[xxvi] Taft, «Questions of the Eastern Churches», § 3, p.113

[xxvii] Молитву об оглашенных также можно читать вслух, если есть эти самые оглашенные, и утвержденный текст также будет требовать одобрения Конгрегации по делам Восточных Церквей, как и в случае со Второй молитвой верных.